

УДК 316(075.8)

МЕТАФИЗИКА ВЛАДИМИРА МИРОНОВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются специфика философского знания, метафизика как ее смысловое ядро и проблемы трансформации современного университетского образования, получившие развитие в творчестве Владимира Васильевича Миронова – известного российского ученого, доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук, многолетнего декана философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Анализируются вопросы, связанные с ролью философии в формировании облика будущего в современной культуре, реформированием университетского образования, последствиями внедрения в образовательный процесс наукометрических методов, готовностью высшей школы ответить на вызовы времени, глобальной нестабильностью, коммерциализацией, цифровизацией и др. Представляется научная позиция В. В. Миронова по проблемам трансформации современного общества, а также его размышления о перспективах преподавания философии и гуманитарных наук.

Ключевые слова: В. В. Миронов; философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; философия; метафизика; культура; общество; образование; наука; трансформация.

VLADIMIR MIRONOV'S METAPHYSICS AND UNIVERSITY EDUCATION TRANSFORMATION

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the specificity of philosophical knowledge, metaphysics as its semantic core and the problems of transforming modern humanitarian university education, which was developed in the work of Vladimir Mironov. V. V. Mironov is a well-known Russian scientist, doctor of philosophy, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, dean of the faculty of philosophy of the Lomonosov Moscow State University. The author analyses current problems related to the role of philosophy in shaping the image of the future in modern culture, reforming university education, the consequences of introducing scientometric methods into the educational process, the readiness of higher education responding to the challenges of the times, global instability, commercialisation, digitalisation, etc. The scientific position of V. V. Mironov on topical problems of transforming modern society, its assessment and reflections on the prospects for teaching philosophy and the humanities.

Keywords: V. V. Mironov; faculty of philosophy of the Lomonosov Moscow State University; philosophy; metaphysics; culture; society; education; science; transformation.

Образец цитирования:

Данилов АН. Метафизика Владимира Миронова и трансформация университетского образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:58–63.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-58-63>

For citation:

Danilov AN. Vladimir Mironov's metaphysics and university education transformation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:58–63. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-58-63>

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

Введение

Большой утратой для научной общественности стал уход из жизни Владимира Васильевича Миронова (1953–2020). Путь его восхождения на философский олимп был тернист. После первой неудачной попытки поступить в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова он работал токарем на заводе, отслужил срочную службу в Беларуси, окончил подготовительное отделение и только после этого был принят на философский факультет. На длинной карьерной педагогической и научной лестнице он не пропустил ни одной ступеньки. После окончания аспирантуры (1984) Владимир Васильевич успешно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам онтологии и теории познания, в 1997 г. – докторскую («Наука и философия в системе мировоззренческих ориентаций современной культуры»). В докторской диссертации он

рассмотрел философию как рационально-теоретическую и вместе с тем ценностную форму сознания, которая является самосознанием всех категорий мировоззрения и в то же время самосознанием человеческой культуры в целом. Дальнейшая научная деятельность В. В. Миронова была направлена на изучение процессов в культуре, образовании, науке. В 1998 г. Владимир Васильевич стал деканом философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и, получая постоянную поддержку на выборах, оставался в этой должности до конца жизни. В 2008 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. В 2020 г. вышла его последняя прижизненная книга «Метафизика не умирает», в которой собраны работы последних лет, посвященные вопросам взаимодействия философии, культуры, науки и образования.

Философия и культура

Проблема понимания метафизической сущности философии всегда была и остается важнейшей, выступая одним из вечных вопросов науки. «Философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершеного знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований бытия, и выступают как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом» [1, с. 14]. В этом, собственно, и есть выражение универсальности самой философии, ее постоянной востребованности практикой, особенно в минуты роковые, когда выстраивается «каркас» новой цивилизации.

Все это означает, что метафизика возникает как отражение работы мышления в смысловом пространстве, по сути, неразвитого доопытного знания в ситуации отсутствия развитых критериев установления истины: она формируется как особый способ философской рефлексии за пределами опытного знания – на основании чистого мышления. Таким образом, «метафизика – это особый тип предельного постижения бытия, а философия – это метафизическое знание, в отличие от частнонаучного» [1, с. 14]. Метафизика – не словесное разыгрывание пределов своего мышления по поводу тех или иных реалий, что представляется делом весьма тривиальным, а выявление глубинных пластов бытия и осознание безграничных конструктивных возможностей мышления. Она возникает как особый тип размышления, направленный на рациональное «самооправдание» возможности и претензий философии выдвигать

собственное понимание мира путем рационально-рефлексивного размышления.

Именно такое представление о метафизике находилось в центре научного поиска В. В. Миронова. Он видел, что в культуре можно наблюдать уникальные, сложно фиксируемые в человеческом сознании процессы, которые находятся за гранью эмпирического. Проникновение в ее тайную лабораторию позволит увидеть и раскрыть происходящее там волшебство и заглянуть за горизонт, представить образ будущего. В условиях глобальной нестабильности именно прошедшие проверку временем ценности, которые стали основой национальной культуры в виде исторической памяти, традиции, языка, обеспечивают устойчивость общества.

«С одной стороны, философ – это хранитель традиций той или иной культуры, вырабатывающий основания для системы ценностей. А с другой стороны, философия “конструирует миры будущего” (В. С. Стёпин), тем самым подвергая сомнению то, что есть в настоящем, и в этой ипостаси философ может выступать как разрушитель ценностей» [1, с. 458]. Указанные особенности философии и ее опора на максимально широкий исходный базис философских обобщений «позволяют философии выступать “квинтэссенцией культуры” (К. Маркс), или, как уточняет это положение сегодня В. С. Стёпин, воспроизводить “доминирующие смыслы культуры”, часто в виде тех самых “смутных” и неопределенных идей» [1, с. 388]. Позиция философии здесь также весьма противоречива, она отражает противоречивость философского подхода к миру в целом. «С одной стороны, философия задает общие культурные традиции и выступает рефлексивным средством их сохранения (“душа культуры”), что обеспечивает стабильность культуры. Можно

было бы обозначить это еще и как своеобразный консервативный вектор философии, основанный на доминировании в конкретно-исторической культуре «канонизированных стилей мышления и традиций» [1, с. 388]. В этой ипостаси философ выступает как своеобразный хранитель традиций, обеспечивающий устойчивость культуры как системы. Однако философия разрывает рамки доминирующей модели культуры, осмысливая новые явления и часто определяя новые тенденции развития. Философ в своей внутренней критико-аналитической рефлексии всегда выступает как критик, а значит, и разрушитель традиций, ведь он опирается и на новые знания о мире, которые следует учитывать в этой рефлексии. Такая позиция и осознание личной ответственности за собственные поступки придавали его жизни в некоторых случаях характер подвижничества, что сближало философию с религией. Философ-мудрец мог выступать как в качестве наставника, репродуцирующего ценности данной социальной системы, так и в качестве человека, осуществляющего тотальную критику этой социальной системы [1, с. 389].

Кроме того, смысловое пространство философии в силу надпредметности (или метафизичности) ее рефлексии над бытием и миром неизменно связано с пониманием свободного мышления, которое не только не может быть опредмечено, т. е. ограничено рамками выделенной предметной области, как в науке, но и должно быть свободно от любых других обстоятельств, в которых может оказаться конкретный мыслитель. Следовательно, философия выступает как особое образование, которое необходимым образом связано с условиями свободного существования конкретного мыслителя в реальной жизни. Отсюда – изначальное стремление философии конструировать, в том числе и политические модели, благоприятствующие реализации свободного духа личности. В то же время для философа более важной часто оказывается его внутренняя свобода мышления, которая может быть реализована независимо от тех или иных политических обстоятельств. «То есть философия реализуется как максимальное проявление

субъектного начала в индивиде – и это свойство субъективного самовыражения также остается навсегда важнейшей характеристикой философского мышления» [1, с. 389].

Очень точным представляется определение культуры, которое дает В. В. Миронов, рассматривая ее как «совокупность результатов деятельности людей, создавших систему традиционных для человечества ценностей как материального, так и духовного характера» [2, с. 4]. Развивая мысль К. Х. Момджяна о «музейной» части культуры, В. В. Миронов делает вывод о том, что культура имеет двойственную структуру и выполняет двойную функцию. Часть культуры носит застывший характер. С одной стороны, ученый имеет в виду воплощенные в материю культурно-исторические памятники, с другой – к этой же части культуры относит «музей» духовных ценностей, в котором «экспонатами выступают Добро, Истина, Красота, Справедливость, выражающие конечные цели человеческого существования» [2, с. 4]. Застывшая часть культуры является фактором ее устойчивости. «Цивилизационную» часть культуры составляют операциональные ценности, а именно «набор средств практической адаптации к социокультурным обстоятельствам» [2, с. 4].

Заявление В. В. Миронова о том, что «метафизика не умирает, означает, что философия не умирает, или, что одно и то же, мысль не умирает и не может умереть, ибо если она умрет, то некому будет сообщить об этом. Бытие удерживается мыслью, и эту мысль мы называем метафизической, философской. Сказать, что метафизика не умирает, – все равно, что сказать: жизнь не умирает. Умирает все живущее, но не сама жизнь, и все живущее для того и умирает, чтобы жизнь не умирала. Аналогична диалектика бытия и существования: все существующее относительно, преходяще, достойно гибели, но само существование, за которым стоит бытие, абсолютно» [1, с. 8]. Иными словами, «похороны метафизики», которые длются уже столетие, вновь не состоялись, и человек по-прежнему ставит предельные вопросы бытию и самому себе, что и является характеристикой классического понимания метафизики [1, с. 83].

Образование реформируемое...

Влияние образования на формирование образа будущего человечества очевидно. Но насколько наше образование современно и готово ли ответить на вызовы времени? В условиях глобальной нестабильности мир ценностей рождает новые содержательные конфигурации. Коммерциализация образования переформатировала современный профиль нового поколения. Время по-новому ранжирует базовые ценности. Какие из них станут доминирующими, как они будут закреплены в культуре? Что останется в исторической памяти и что будет принято в качестве идеала для нового по-

коления? А может, идеалов уже не будет вообще... Внимание вновь обращено к университетам, от них ждут ответа.

В. В. Миронов всегда подчеркивал, что «образование – это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [1, с. 412]. Мы поменяли стратегию образования в угоду обстоятельствам и видим, что потеряли много ценного. «Унификация, навязываемая нам, неизбежно снижает качественный уровень образования, так как предлагает ориентироваться на усредненный уровень. Поэтому, когда мы

говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла» [1, с. 414].

Время принятия решений сжимается как шагреновая кожа и выбор будущего может быть осуществлен случайным образом. Ю. Н. Харари, видимо, был прав: «Людям как отдельным личностям и человечеству в целом все чаще придется иметь дело с тем, с чем никто никогда раньше не сталкивался: с компьютерным суперинтеллектом и сконструированными телами, с алгоритмами, которые с необыкновенной точностью научатся управлять вашими эмоциями, с рукотворными климатическими катаклизмами, а также с необходимостью каждые 10 лет менять профессию. <...> Вам придется постоянно отказываться от того, что вы лучше всего знаете, и осваивать неизвестное» [3, с. 320]. И еще очень важное замечание: «Из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрасудки» [3, с. 321].

Что же происходит с образованием, как возникают и гаснут идеалы и что можно ожидать от нового поколения студенчества? Пока все находится в движении и образ будущего не вырисовывается в нечто целое. Что ж, каждое время рождает свои идеалы и своих кумиров. Новое поколение, как показывают наши исследования, не потерянное, не инфантильное, не расколотое. Оно ценит индивидуализм, но откликается на чужую беду и готово жертвовать многим ради общего. У него есть свои идеи и идеалы, за которые оно жертвенно идет на лишения. Представители этого поколения ориентированы на перемены и хотят жить в мире, где считаются с их мнением, где приоритетна социальная справедливость. Они хотят участвовать в научно-техническом прорыве, по-инновационному подходить к решению экономических проблем, рачительно использовать природные ресурсы, создавать экологически чистые производства, идентифицировать себя со своей родиной и быть своими в глобальной мировой деревне.

Семья, образование, новые информационные технологии определенно влияют на формирование ценностного начала нового поколения студенчества. Важную роль в стабилизации ситуации и устранении возможных сложностей играет сбалансированная система образования, которая вносит коррективы в ценностные предпочтения нынешней молодежи.

В. В. Миронов писал: «В современных условиях любая реформа происходит в условиях общего процесса глобализации, первичной сущностью которой является создание общей экономической и производственной системы, основанной на усилении роли транснациональных взаимодействий, когда производство становится неким единым процессом,

не разделяемым на национальные и культурные традиции» [1, с. 407]. Транснациональный рынок, декларируя конкурентность как основной признак функционирования рыночного хозяйства, заинтересован в консервировании сложившейся конфигурации. Есть зоны экономики и технологии, куда другие страны просто не допускаются. В таких условиях образование оказывается в центре происходящих изменений, поскольку является системообразующей частью культуры, а не просто сферой оказания образовательных услуг. Страна с более мощной и качественной системой образования будет доминировать в сфере новейших технологий, а страны, в которых образование носит преимущественно массовый характер, станут поставщиками в лучшем случае рабочей силы. «В мире идет процесс экономизации образования, которую часто отождествляют с прямой коммерциализацией. В этом случае от образования прежде всего хотят получить быструю отдачу за счет безудержного расширения сектора платного образования в целях получения финансовой прибыли. Для страны это тупиковый вариант, который неизбежно будет работать по законам рынка, а значит, развивать те сферы образования, которые оказываются рентабельными. К тому же, учитывая условия становления рынка в нашей стране, это способствует резкому снижению качества образования» [1, с. 407]. Реальная экономизация образования рассматривает образование как важнейшую часть общего экономического механизма страны не с позиции получения прямой прибыли, а с позиции долгосрочных последствий развития образования, которые в дальнейшем могут дать несравнимую с прямой коммерциализацией выгоду, основанную на внедрении открытий и инноваций, связанных прежде всего с открытиями в фундаментальных науках. Если мы говорим об экономизации процессов образования как о серьезной поддержке его государством, мы должны понимать, что здесь не может быть лишь прямой коммерческой выгоды, что образование затратно по существу [1, с. 407].

Профессор В. В. Миронов являлся критиком успешных и не до конца продуманных реформ образования, а в последние годы – и абсолютизации библиометрической оценки научной и учебной деятельности. С его точки зрения, наукометрические методы необходимы в качестве помощи ученому, но в современных условиях они превратились в разновидность безумия, систему единственной оценки деятельности ученого. В ситуации, когда публикации становятся чуть ли не единственным критерием эффективности научной деятельности ученого и тем более преподавателя, наукометрия превращается в мощное средство манипулирования. «Я повторяю, наукометрические методы необходимы в качестве помощи ученому. Но они могут оказывать чрезвычайно вредными, если их превращают

в систему единственной оценки деятельности учебного. Речь идет о переходе к оценке результатов научной и образовательной деятельности через систему различных рейтингов и формализованных критериев, которые в принципе не могут быть объективными, так как имеют дело с разнородными качественными объектами» [1, с. 394]. «Ученых начинают ранжировать, и не просто с целью стимулирования, например, их публикационной активности, а, прежде всего, с целью понижения в должностях и увольнения» [1, с. 397]. И так, нужна или не нужна наукометрия? Безусловно, нужна, но не в качестве средства ранжирования ученых, а в качестве дополнительного средства, помогающего, в том числе с помощью новейших технологий, ориентироваться в современном информационном мире.

В этой ситуации В. В. Миронов поднимает вопрос о мотивации педагогического труда, отмечая, что «разрушение мотивации – это одна из самых больших бед и следствий реформы образования. Сегодня поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Это неизбежно повлияет и на качество образования, ибо гораздо больше тратится времени на пролонгирование того, что не было получено в школе. Школа перестроилась. Она стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ» [1, с. 433]. Особенно чувствительна эта проблема для представителей гуманитарных наук, «в центре которых уже по этимологии слова стоит Человек. Но человек – это всегда представитель конкретной культуры, связующим звеном которой является национальный язык» [1, с. 395].

К вопросу о воспитательной работе в университете: «Конечно, воспитательная функция должна присутствовать, но незримо. Мы как гуманитарии понимаем, что не надо говорить человеку: “Будь хорошим, не делай плохо”. Система запретов тут не работает. С этой точки зрения, первый, кого надо было бы запретить, – это Шекспир. Чего у него только нет: и кровосмешение, и убийства, и ранние любовные отношения. Мы ведь помним, сколько лет было Джульетте. В “Московском комсомольце” это могло бы оказаться в хронике происшествий. Но мы же не запрещаем Шекспира! И тут я скажу совершенно банальную вещь: культура в целом – это лучшее средство воспитания. Я вот учился в Раменках, и нас каждую неделю водили в театры. Так мы там тосковали, нам в футбол хотелось поиграть! А теперь мы понимаем смысл этих походов... Я вообще считаю, что культура требует элемента насилия. Она не дается легко. Для того чтобы слушать Баха, вы должны хотя бы привыкнуть к классической музыке. Для того чтобы слушать оперу, вы должны посетить хотя бы несколько раз театр. А современная ситуация еще и обостряет проблему в разы. По-

пробуйте сегодня оторвать геймера от компьютера и утащить в театр. И это, кстати, снова не берется в расчет. Нам снова говорят сверху: надо вернуть воспитание в обучение, надо то-то, и еще то-то. Почему считается, что чиновник лучше знает, как кого воспитывать?!» [1, с. 434–435].

О бюрократизации университетской жизни: «Пока еще у нас в университете атмосфера неприятия менеджеров от науки: если декан или заведующий кафедрой не будет заниматься наукой и преподаванием, его никто не будет ставить всерьез» [1, с. 451]. Ректор МГУ академик В. А. Садовничий в предисловии к книге В. В. Миронова «Метафизика не умирает» писал: «Владимир Васильевич всегда отличался тем, что его выбор в принятии решений был в пользу фундаментальности образования и свободного доступа к нему одаренной и талантливой молодежи на всех уровнях обучения. Многие критические инвективы этой книги могут показаться довольно резкими, например, по поводу наукометрической оценки труда ученых, но и здесь мы должны вместе задуматься над тем, не превращаем ли мы средство в цель и приближает ли нас научная статистика к вершинам подлинной мировой науки в целом и философии в частности. Следует отметить, что жизненный опыт многих из нас со временем делает философами поневоле, заставляя вдумчиво относиться к тому, что попадает на наш путь, жить больше разумом, а не чувствами. Для философа этот пристальный взгляд на вещи является частью его профессии, и я задаюсь вопросом о том, а можно ли такому философскому мастерству обучить, да еще молодых людей? Наверное, такой тип знания, такой тип мышления является результатом некоей прямой передачи тем людям и, конечно, нашим студентам, которые открыты для такого восприятия, что и определяет особенности обучения философии, о чем автор тоже много пишет. Именно острота взгляда, то, что делает человека настоящим философом, – это и есть загадка, и относится она скорее к сфере творческой одаренности и вдохновения. В этом смысле В. В. Миронов – вдохновенный человек, нашедший в философии не только научную работу на всю жизнь, но и подлинную сферу личностной самореализации» [1, с. 9].

Владимир Васильевич был прав, когда говорил: «Инновация и консерватизм в образовании вовсе не противоречат друг другу» [1, с. 471]. Консервативность фиксирует важность образования как системообразующего фундамента культуры, его связь с историей, что должно определять и конкретные модели развития образования в той или иной стране. Инновация – инструмент общего процесса развития, будь то наука или образование и ее абсолютизация. Инновации ради инноваций могут нанести скорее вред, чем пользу, так как ведут к разрывам в целостном процессе развития определенной системы.

Заключение

Профессор В. В. Миронов многое сделал для развития философии и гуманитарного образования на постсоветском пространстве. Он видел ведущую роль философии, метафизики в прогнозировании будущего. В культуре, как отмечал В. В. Миронов, происходят уникальные, сложно фиксируемые в человеческом сознании процессы, которые находятся за гранью эмпирического. Проникновение в ее тайную лабораторию позволит увидеть и раскрыть происходящее там волшебство и заглянуть за горизонт, представить образ будущего. В условиях глобальной нестабильности именно прошедшие проверку временем ценности, которые стали основой национальной культуры в виде исторической памяти, традиции, языка, обеспечивают устойчивость общества. Философ – это хранитель традиций той или иной культуры, разрабатывающий основания для системы ценностей. Но в то же время философия подвергает сомнению то, что есть в настоящем, и в этой ипостаси философ может выступать как разрушитель ценностей.

Сегодня мир ценностей рождает новое образовательное пространство, где коммерциализация формирует иной профиль современного поколения. Время по-новому ранжирует базовые ценности. Внимание вновь обращено к университетам.

В. В. Миронов справедливо подчеркивал, что образование является системообразующей частью национальной культуры. В настоящее время стратегия образования строится в угоду обстоятельствам, ситуационно, много хорошего было потеряно за последние десятилетия. Навязываемая нам унификация неизбежно снижает качественный уровень образования. Практика показывает, что во главу

угла реформ образовательного процесса необходимо ставить идеи обогащения качеством. Когда от образования хотят получить прежде всего быструю финансовую прибыль, для страны это тупиковый и разрушительный вариант, неизбежно ведущий к резкому снижению качества образования.

Профессор В. В. Миронов указывал на негативные следствия реформы образования. Так, в настоящее время происходит разрушение мотивации учебного труда: поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Школа стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ. Особенно острой эта проблема выступает для гуманитарных наук, в центре которых всегда стоит человек, представитель конкретной культуры.

Долгое время будучи деканом философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор В. В. Миронов отмечал, что не приемлет бюрократизации образования и подчеркивал, что в МГУ сложилась атмосфера неприятия «менеджеров от науки»: декан или заведующий кафедрой должны заниматься наукой и преподаванием, иначе их никто не будет ставить всерьез. Владимир Васильевич являлся критиком успешных и не до конца продуманных реформ образования, абсолютизации библиометрической оценки научной и учебной деятельности. Не без оснований утверждал, что, когда публикации становятся чуть ли не единственным критерием эффективности научной деятельности ученого и тем более преподавателя, наукометрия превращается в мощное средство манипулирования.

Библиографические ссылки

1. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает. Избранные статьи, выступления и интервью*. Москва: Прогресс; 2020. 488 с.
2. Миронов ВВ. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2010;3:3–25.
3. Харари ЮН. *21 урок для XXI века*. Гольдберг ЮЯ, переводчик; Ефимова А, редактор. Москва: Синдбад; 2019. 416 с.

References

1. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet. Izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Metaphysics does not die. Selected articles, speeches, and interviews]. Moscow: Progress; 2020. 488 p. Russian.
2. Mironov VV. Culture transformation processes in the globalising world: communication vector. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2010;3:3–25. Russian.
3. Harari YuN. *21 lessons for the 21st century*. New York: Penguin Random House; 2018. 400 p. Russian edition: Harari YuN. *21 urok dlya XXI veka*. Gol'dberg YuYa, translator; Efimova A, editor. Moscow: Sindbad; 2019. 416 p.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2021.
Received by editorial board 26.04.2021.